

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

21

№193
(1831)

21
октябрь
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

Войнович
Варшавский
21.10.05

Глава тридцать четвертая
По реке плывет топор...

Командир просит помыть галоши

Весной 1954-го меня перевели в истребительное училище в Чугуев Харьковской области, известный благодаря частушке: «По реке плывет топор из города Чугуева...» Там я прослужил еще больше полутора лет, отсюда и демобилизовался. Обслуживал «спарку» УТИ-МиГ-15. Командиром у меня был летчик-инструктор старший лейтенант Усик. Летчики охотно брали своих механиков в воздух, и Усик меня тоже часто катал.

В первый раз, когда я надевал шлемофон, он сказал:

- Возьми с собой пилотку.
- Зачем? – спросил я.
- Чтоб было куда блевать.
- А я не собираюсь блевать.
- Не собираешься, но будешь.
- Не буду.
- Ну, смотри... Потом машину сам будешь мыть...

Полетели. Усик вертел самолет и так, и сяк, делал петли, бочки, полубочки с полупетлей (раньше называвшиеся «иммельман») и время от времени спрашивал, как я себя чувствую. Я отвечал, что нормально. Усик спросил, что за село под нами. Я сказал: «Граково». – «Посмотри внимательней». Он перевернул самолет вниз кабиной и сделал обратную полупетлю. Я убедился, что и вправду не Граково. Усик был разочарован, что никак не удается меня укачать, и, возвращаясь на аэродром, делал развороты с отрицательным креном и крутым снижением. На земле он потряс меня за плечи и заметил: «Башка у тебя крепкая». Я сказал, что меня даже на планере не укачивало. Усик согласился, что на планере, который в воздухе швыряет, как щепку в океане, укачаться можно скорее...

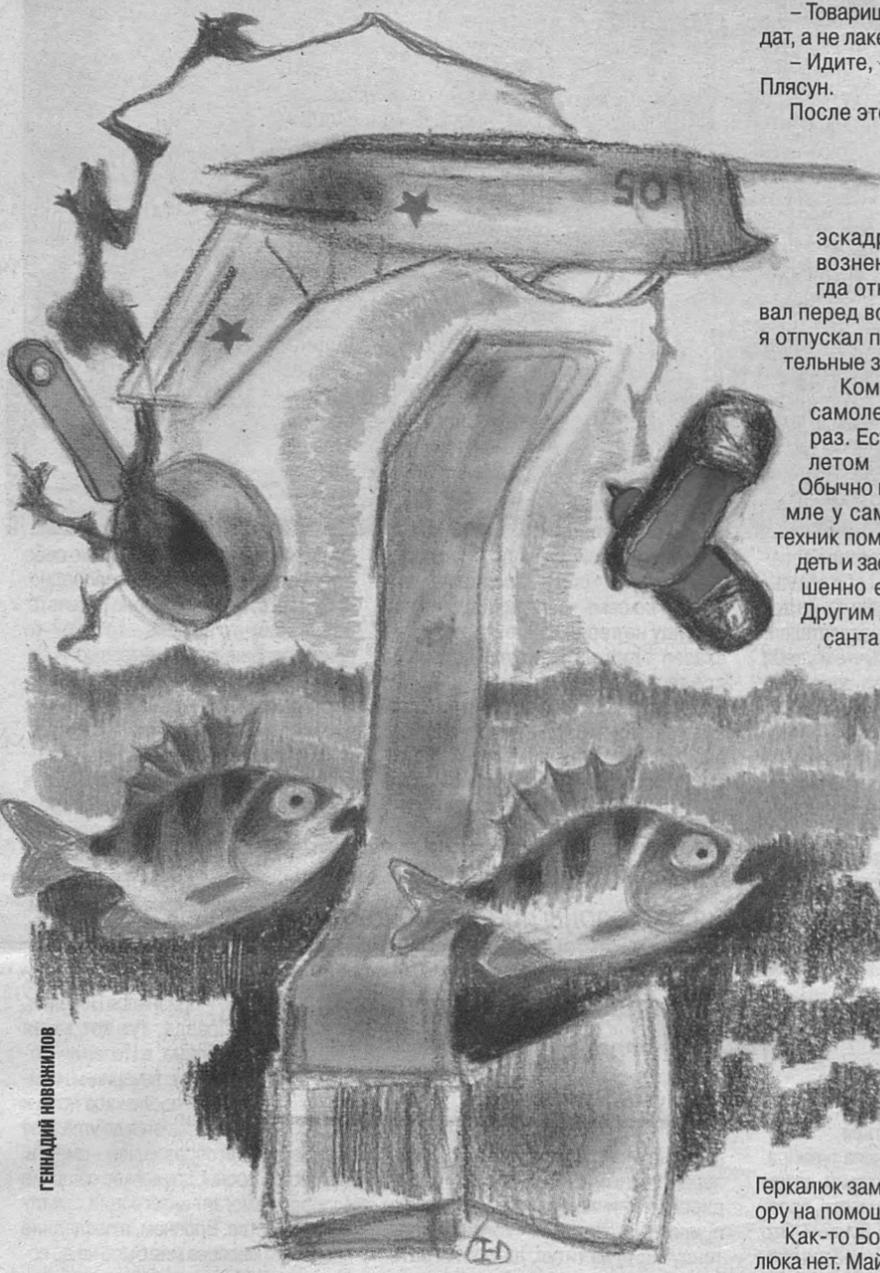
Не только Усик летал на моем самолете, но и старшие командиры, проверявшие искусство пилотирования младших. Командир звена капитан Труфанов проверял Усика, командир эскадрильи майор Собур проверял Труфанова, а майора Собура проверял командир полка Бойко, бывший тоже в чине майора. Командир полка для рядового солдата слишком большая шишка, чтобы иметь с ним какие бы то ни было отношения, но я майора Бойко не любил. Когда он тихим голосом говорил со своими подчиненными, включая начальника штаба подполковника Плясуна, бывшего старше его не только по званию, но и по возрасту, то безразлично морщил нос и выпячивал нижнюю губу.

Моя нелюбовь к Бойко усилилась после небольшого инцидента. Штаб полка находился в том же помещении, что и наша казарма. Поднявшись на второй этаж, попадаешь в коридор, в конце которого казарма, а, не доходя до нее, по левую руку, две или три комнаты занимал штаб. Однажды я чего-то ждал в коридоре, когда там появился Бойко. Он отдал ему честь. Он остановился.

– Товарищ солдат, зайдите ко мне.

Я зашел. Он, снимая шинель, сказал:

– Товарищ солдат, у меня к вам просьба. Вы не могли бы помыть

Столько лет я мечтал стать летчиком, и вот судьба предложила мне шанс. Я ночь не спал, взвешивал все за и против. «За» было одно – желание летать. «Против» оказалось больше. Четыре года я уже отслужил. Если меня возьмут в училище, придется еще три года тянуть ту же лямку. Летать-то я хочу, но хочу ли служить в армии, потакая капризам командиров? В этом я был не уверен...

мне галоши? – Бойко надевал галоши на сапоги.

Я растерялся. Майор сказал, что у него ко мне просьба. Но в армии просьба начальника к подчиненному – это приказ, а приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. В свое время на политзанятиях я спрашивал преподавателей, как понимать эту формулировку устава. Мне отвечали: «Так и понимать. Приказано – выполняй, не рассуждая». Я интересовался: а что если начальник прикажет почистить ему сапоги? Мне отвечали, что, если прикажет, надо чистить, но вообще такого быть не может. Советский офицер советского солдата унижить никогда не посмеет. Конечно, если бы меня попросил кто-то чином пониже, я бы отбрил его, но это же командир полка!

Все же я собрался с духом и сказал:

– Нет, товарищ майор, галоши мыть я вам не буду.

Я думал, он спросит почему, и тогда я отвечаю, что это не входит в

мои служебные обязанности. На что он в полном соответствии с уставом мог бы возразить, что мои служебные обязанности определяю не я, а он. Однако майор Бойко не выразил ни удивления, ни недовольства. Он сказал:

– Хорошо. Идите. И я пошел.

Командир хочет квасу

Второй мой конфликт с командиром полка случился, когда мы стояли в летних лагерях у деревни Граково. В какой-то из нелетных дней я был дневальным. Сменился, прилег отдохнуть. Звонок. Начальник штаба подполковник Плясун требует свободного дневального к себе. Я оделся, пошел. Подполковник протягивает эмалированный кувшин.

– Сбегайте в офицерскую столовую, командир полка хочет квасу.

– Если хочет квасу, пусть сам и бегайте.

Подполковник опешил.

- Ч-что-что вы сказали?
- Товарищ подполковник, я солдат, а не лакей. Разрешите идти?
- Идите, – растерянно ответил Плясун.

После этого Плясун обращался ко мне, когда приходилось, вполне почтительно. А вот инженер эскадрильи Кудлай меня возненавидел. Сам он всегда откровенно холуйствовал перед всяким начальством, и я отпускал по этому поводу язвительные замечания.

Командир полка на моем самолете летал несколько раз. Естественно, перед полетом надевал парашют. Обычно парашют лежит на земле у самолета. Механик или техник помогает летчику его надеть и застегнуть лямки. Совершенно естественная услуга. Другим летчикам и даже курсантам я охотно помогал – всем, за исключением командира полка. Потому что он и здесь вел себя как барин. Подойдет, встанет спиной к парашюту, широко расставив ноги и разведя руки, и даже не смотрит на того, кто подбежит и начнет его снаряжать. В таких случаях я прятался за фюзеляжем и крутил винты смотровых люков, делая вид, что Бойко не замечаю. Но мой техник лейтенант Геркалюк замечал и приходил майору на помощь.

Как-то Бойко пришел, а Геркалюка нет. Майор встал спиной к парашюту, а никто не подходит. Он стоит ждет, я прячусь, капитан Кудлай возится у соседнего самолета.

Я кричу:
– Товарищ капитан, чем вы там занимаетесь? Командир полка ждет, что кто-нибудь подаст ему парашют, а вы там возитесь черт знает с чем!

Капитан поднимает голову и видит – какой ужас! – что командир полка ноги расставил, руки развел и стоит неподвижно и одиноко. Кудлай бросает все и сломя голову несет на помощь. Посылает ненавидящий взгляд мне и лъстивую улыбку командиру. Подбегают к нему, приседают на корточки, падают на колени, проползают между ног, щелкают замками, а потом, когда командир поднимается по стремянке в кабину, мягко ему помогает, упершись руками в ягодицы.

А я при этом не очень громко, но и не слишком тихо комментирую:

– Хорошо, товарищ капитан, у вас получается. Если бы вы себе еще и языком как-нибудь помогли...

Никому ничего не должен

Когда истек срок службы, нас, увольнявшихся в запас, Кудлай построил на аэродроме и всем, кроме меня, выдал по почетной грамоте. А мне объявил устную благодарность. На что я сказал спасибо.

Он меня поправил:

– Вы должны ответить не «спасибо», а «Служу Советскому Союзу».

Я ответил:

– Советскому Союзу я уже отслужил, а вам ничего не должен.

Увольняли нас в несколько очередей. Командиры имели право ценных специалистов на какое-то время задержать. Я думал, что Кудлай постарается избавиться от меня в первую очередь, но именно меня, как исключительно ценного, он оставил еще на два месяца. Для меня это был удар. Сразу после демобилизации я собирался поступить в вечернюю школу, задержка на два месяца могла эти планы разрушить.

И я сказал Кудлаю, что работать больше не буду.

– Это что, забастовка? – спросил он.

Я сказал:

– Да, забастовка.

Не помню, что ответил Кудлай, но на работу я в самом деле ходить перестал. Иногда дежурил по летной столовой. Там работа простая: привезти со склада продукты, передать их поварам, поесть и с официантками пофлиртовать. В свободное время (а у меня его много стало) ходил в самоволки, пьянствовал, встречался с девушками, возвращался в полк под утро. Один раз меня поймали, и утром на общем построении Бойко объявил мне пять суток строгого ареста, за что я опять сказал спасибо. Наказание было неисполнимым: при летних лагерях, где мы еще оставались, гауптвахты не было. Кудлай говорил, что зато гауптвахта есть в Чугуеве, и меня в нее обязательно загонят, когда мы после октябрьских праздников туда вернемся. Я же ему пообещал, что если до праздников меня не отпустят, я вообще дезертирую.

– И окажетесь в тюрьме, – сказал Кудлай.

Наутро меня вызвал к себе подполковник Плясун и вручил мне обходной лист, который я должен был подписать в библиотеке, у старшины и у каптерщика в доказательство того, что я никому ничего не должен.

А я и не должен был никому ничего.

Перед самым отъездом ко мне в казарму зашел Усик, недавно ставший капитаном. Он предложил мне прогуляться и, когда мы вышли, сказал:

– Знаешь, если ты все еще хочешь стать летчиком, я постараюсь тебе помочь. У меня в штабе округа есть знакомый генерал, который занимается военными училищами. Я возьму голову неседем в Киев, и я его уговорю, чтоб тебя взяли в училище с условием, что ты одновременно окончишь среднюю школу. Что ты об этом думаешь?

Я растерялся.

Столько лет я мечтал стать летчиком. И вот судьба предложила мне шанс, правда, не очень реалистический. Я сказал Усику, что подумаю. Ночь не спал, взвешивал все «за» и «против». «За» было одно – желание летать. «Против» оказалось гораздо больше. Четыре года я уже отслужил. Если меня возьмут в училище, придется еще три года тянуть ту же лямку, причем, как взятому в училище из милости, быть более дисциплинированным, чем позволяет моя натура. Иначе меня туда как возьмут, так и выгонят. И вообще летать-то я хочу, но хочу ли служить в армии? В этом я был не уверен...

Утром следующего дня Усик подошел ко мне с вопросом: «Ну что?» Я его поблагодарил за заботу, но предложения не принял. И поехал в Керчь, куда к тому времени перебрались мои вечно странствующие родители.

Продолжение следует

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ